

Рец. на: Многогранный талант историка: Памяти доктора исторических наук профессора Авенира Павловича Корелина / Отв. ред. Ю.А. Петров. М.: Институт российской истории РАН, 2019. 728 с., вкл. 16 с.

*Aleksandr Shevyrev
(Lomonosov Moscow State University, Russia)*

Rec. ad op.: Mnogogranniy talant istorika: Pamyati doktora istoricheskikh nauk professora Avenira Pavlovicha Korelina. Moscow, 2019

DOI: 10.31857/S086956870009280-9

Авенир Павлович Корелин (1933—2017) был выдающимся учёным, ответственным руководителем и обаятельным человеком. Поэтому желание его коллег, друзей и близких запечатлеть память о нём академическим трудом представляется вполне естественным. Структура сборника традиционна для такого рода изданий: биографические и историографические очерки, освещающие «вехи жизненного и творческого пути» исследователя, неоконченные тексты из его архива, научные статьи и библиография.

Во вступительной статье Ю.А. Петров представил перечень публикаций А.П. Корелина, рассказал о совместной с ним деятельности, объяснил замысел книги и кратко охарактеризовал опубликованные в ней главы незавершённой монографии историка¹. В первую часть сборника вошли воспоминания М.А. Корелиной, В.В. Шелохаева, В.П. Булдакова и Л.М. Епифановой, а также биографические и историографические очерки Н.В. Черниковой² и Н.Г. Королёвой³, которые если и не принадлежат строго к мемуарному жанру, то передают личное отношение их авторов к Авениру Павловичу. Они несомненно привлекут внимание тех, кто захочет лучше понять его характер, узнать о

пережитых им испытаниях, разобраться в оставшемся после него наследии.

Мария Авенировна Корелина увлекательно рассказала о родне, образе жизни и любимых занятиях отца. Авенир Павлович родился в переломное для страны время. Происходившие тогда процессы отразились и на судьбе рода, к которому он принадлежал: его родители сбежали от своих семей, чтобы разорвать связи с прошлым, и дали первенцу необычное, но вполне отвечавшее этому стремлению имя — Авенир, «которое происходит от французского “avenir” — в переводе “будущее”, “вперёд”»⁴. Не вполне традиционным было и наследование мальчиком фамилии матери, но причину этого М.А. Корелина не поясняет. Прадед Авенира Павловича — Фёдор Корелин служил священником в Сурском приходе Пинежского уезда Архангельской губ. (где родился Иоанн Кронштадтский), а дед — Николай Фёдорович — в той же губернии, но в Онежском уезде. Матери историка, Марии Николаевне долго приходилось скрывать своё происхождение, и даже о том, что она была крещена, её дети узнали лишь после её смерти. Дед А.П. Корелина по отцу — Николай Яковлевич Рассказов, будучи крестьянином с Онеги, преуспел в лесозаготовительном промысле и занял

место управляющего Товарищества лесопильных заводов и мануфактур «Д.Н. Лебедев» в Петербурге. Разорившись во время революции, его семья вынуждена была вернуться на Онегу. Там и познакомились родители Авенира Павловича. Но затем, очевидно, желая, как многие их современники, освободиться от бремени «плохого» классового происхождения, они покинули родные места и начали новую жизнь, получив высшее образование. Социальный лифт поднял Павла Николаевича Рассказова на должность начальника налогового управления Министерства финансов БССР. С началом войны он ушёл на фронт и осенью 1941 г. погиб. Его сыновья, пережив ужас эвакуации, обосновались вместе с матерью в Ульяновской обл. Оттуда в 1952 г. А.П. Корелин и отправился поступать на исторический факультет Московского государственного университета.

В студенческие годы Корелин состоял членом факультетского бюро ВЛКСМ, секретарём которого являлся Л.Н. Краснопевцев. В результате из-за «дела Краснопевцева» в 1957 г. Авенир Павлович оказался не в университетской аспирантуре, а в Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина. По мнению Черниковой, руководство факультета «тогда приложило все усилия, чтобы быстрее провести распределение и вывести выпускников из-под удара»⁵. Но едва ли всё происходило именно так. Причастных к «Союзу патриотов» арестовали в самом конце августа, когда распределение уже состоялось и до вступительных экзаменов в аспирантуру оставались считанные дни. В деканате же в этой ситуации думали скорее о необходимости продемонстрировать принятие «оргмер», исправляющих очевидный недостаток бдительности. Отстранение члена комсомольского бюро от подготовки диссертации на

кафедре могло стать одной из них. Тем не менее после трёх лет работы в библиотеке Корелину удалось поступить в аспирантуру, а ещё через шесть лет занять должность младшего научного сотрудника в Институте истории АН СССР (с 1992 г. — РАН), в котором он проработал всю оставшуюся жизнь.

В.В. Шелохаев рассказал о поворотах в судьбе Корелина на рубеже 1960—1970-х гг., когда «Авенир вёл поиск собственной исследовательской темы», переходя от изучения промышленных монополий к анализу проблем, связанных с рабочим вопросом (осенью 1968 г. в журнале «Вопросы истории» появилась его статья о зубатовщине), а затем — к истории дворянства⁶. В то время он был тесно связан с «новым направлением» как один из редакторов сборника «Свержение самодержавия» (М., 1970), где П.В. Волобуев и другие авторы отстаивали крамольную идею стихийности Февральской революции, и как участник конференции, состоявшейся в 1969 г. в Свердловске⁷. Именно после неё «“разгром” представителей “нового направления” исторической науки вступил в завершающую фазу». Так или иначе, итогом всех этих «поворотов» стало то, что «Авенир обрёл тему по душе», и уже в 1971 г. опубликовал свои первые статьи о пореформенном дворянстве⁸. В тот момент это был довольно смелый выбор. Хорошо помню, что в 1979 г. на меня, тогда — аспиранта, книга Корелина произвела сильное впечатление: труд о дворянском сословии не романтической пушкинской эпохи, а периода, когда оно однозначно признавалось реакционным, воспринимался как невероятное событие.

В.В. Кондрашин внимательно проследил изыскания учёного, посвящённые преобразованиям и процессам, протекавшим в начале XX в.

в русской деревне⁹. Автор показал, как глубоко Корелин погружался в эти сюжеты и как твёрдо отстаивал он свои убеждения, указывая на неоднозначность результатов деятельности П.А. Столыпина — фигуры весьма популярной и в общественном сознании, и среди историков в постсоветской России. Так, не вступая в открытую полемику с М.А. Давыдовым, Корелин последовательно обращал внимание на то, что успехи столыпинской аграрной реформы во многом преувеличены. А в 2012 г. в Пензе на I международной (II всероссийской) научно-практической конференции «П.А. Столыпин: становление и реформирование российской государственности» в присутствии руководителей региона — «страстных почитателей Столыпина» — Корелин «начал свой доклад с заявления, что он не является поклонником Столыпина»¹⁰. Мемуарные зарисовки можно обнаружить и в собственно исследовательских работах. Так, Г.Н. Ульянова включила в начало своей статьи страничку воспоминаний со стихотворением собственного сочинения, произнесённым на праздновании 75-летия А.П. Корелина¹¹.

Во второй части сборника помещены 29 статей — 26 сотрудников Института российской истории РАН (в том числе 13 представителей центра истории России XIX — начала XX в., в котором работал Корелин), а также учёных из Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Высшей школы экономики и Московского педагогического государственного университета.

Прежде всего хочется отметить работы, которые по своему содержанию наиболее близки к тематике трудов Авенира Павловича. Среди них, безусловно, исследование О.А. Плех, в котором на основе статистического материала рассмотрена динамика из-

менения благородного сословия в Вологодской губернии, где в ряде уездов имелось поместное землевладение, тогда как в других преобладали или занимали исключительное положение селения государственных крестьян¹². Автор анализирует социальный состав дворян и местных чиновников по самым разнообразным параметрам, констатируя быстрый рост личного дворянства и постепенное оскудение потомственного. По наблюдениям Плех, уже в дореформенный период «более 70% составляли лица, не имевшие “средств к приличному себя содержанию”», а «две трети помещичьих населённых имений и почти 70% владельческих крестьян состояли в обеспечении долга»¹³.

А.С. Грузинов, ставя под сомнение утверждения А.М. Анфимова и В.К. Станюковича о «паразитизме» хозяйственной деятельности гр. С.Д. Шереметева, вполне корректно определил критерии «паразитизма» и «предпринимательства» в их дихотомии. Судя по сметам всего графского хозяйства, за 1890 и 1910 гг. «паразитическая» прибыль сократилась с 68,2 до 40,5%, т.е. в 1,7 раза, а наблюдавшийся рост чистого капитала свидетельствовал о том, что «некий минимум эффективности предпринимательской деятельности поддерживался»¹⁴.

Анализируя способы пополнения административного аппарата в последней четверти XVIII в. — первой четверти XIX в., Л.Ф. Писарькова раскрыла практику приёма на службу выходцев из податных сословий вопреки законодательным ограничениям. «В стране, где преобладало несвободное и элементарно неграмотное население, — пишет исследовательница, — обеспечить государственные учреждения необходимым числом чиновников и канцелярских служащих являлось непростой задачей»¹⁵. Проработав обширный законодательный

и делопроизводственный материал, она обнаружила многочисленные случаи несоответствия юридически закреплённых требований и правил их применения в действительности. Нехватка людей вынуждала правительство разрываться между пополнением растущего аппарата управления служащими и поддержанием чистоты их рядов. В итоге, несмотря на запретительные нормы, «поступление в гражданскую службу лиц податного состояния продолжалось и оставалось довольно распространённым явлением»¹⁶.

Н.В. Черникова ставит под сомнение некоторые параметры многих исследований о социальном составе бюрократии¹⁷. В частности, она справедливо отмечает, что установление национальности по вероисповеданию не отличается точностью, и предлагает «при определении национального состава узких групп политической элиты» пользоваться «более дробными категориями — указанием на место рождения и первоначального воспитания представителей элиты, на национальность и взгляды их первых учителей»¹⁸. Возможно, это применимо и к более широким группам чиновничества и офицерства, поскольку формулярные списки содержат немалую долю необходимой информации. Скептически отзываясь о сложившейся в историографии оценке уровня образования членов Государственного совета, Черникова полагает, что «гораздо более важным и, в какой-то мере, заменяющим эту категорию, является анализ профессионального состава» данного учреждения¹⁹. Интересны и суждения исследовательницы о том, что «циклическое повторение периодов “омоложения” и “старения” Государственного совета представляется... естественным процессом, не дающим возможности делать далекоидущие выводы о нарастании в стране системного кризиса»²⁰. И всё

же трудно согласиться с категоричными утверждениями автора о том, что устоявшиеся в историографии методы социального анализа превращают «членов Государственного совета в безликую группу, выхолащивая присущую им индивидуальность и сводя на нет свойственную политической элите “цветущую сложность”», увидеть которую можно будто бы лишь «через призму выполняемых Советом функций и кадровой политики императоров»²¹. Ведь, вопреки собственным заявлениям, Черникова сама проделала блестящую работу, уточнив многие социальные характеристики, важные для понимания роли и состояния Государственного совета в конце XIX в. И созданная ею картина весьма богата оттенками и отнюдь не кажется упрощённой.

О многолетнем плодотворном изучении Корелиным истории крестьянской кооперации напоминает в сборнике статья Н.Б. Хайловой. В ней показано, что поддержка лидерами Партии мирного обновления крестьянских артелей и общины во все «не подразумевала их убеждённости в “порочности” капитализма и его неприемлемости для России» и была лишена «обычного для российской общественной мысли негативного подтекста в отношении Запада как воплощения “буржуазности”»²².

Г.Н. Ульянова подготовила увлекательный очерк купеческого быта и его эволюции на протяжении целого столетия. Она не просто описала основные этапы жизненного пути отдельных представителей сословия, но и рассказала об их рефлексии в дневниках и воспоминаниях. Это выразилось, в частности, в появлении в тексте необычного раздела о семьях счастливых и несчастливых. По словам исследовательницы, «в течение двух поколений происходит радикальная смена культурных идеалов»,

постепенно «обретённые культурные навыки стали важным фактором кристаллизации социальной и культурной идентичности буржуазии», а в автобиографических текстах всё чаще возникали «дискуссии о кодексе чести, морали и социальной выживаемости купечества»²³. Между тем в статье М.К. Шацилло указывается, что органы купеческого самоуправления «так и не стали центрами формирования корпоративного предпринимательского сознания»²⁴. В.В. Керов, осветив восприятие старообрядцами проблем, связанных с заимствованием современной техники, пришёл к выводу: «Ядром хозяйственной конфессиональной этики являлась духовная (этическая) концепция Дела — “благословенной причины”, обеспечивающая мотивацию христианского подвига хозяйствующего субъекта. Именно эта концепция, также основанная на развитии традиции, “сняла” противоречия консервативно-модернизационной социальной практики ревнителей древнего благочестия и обеспечивала эквифинальность всей конфессиональной системы»²⁵.

И.В. Ружицкая проследила формирование концепции крестьянской реформы от Екатерины II до 1861 г. Особое внимание исследовательница уделила экспериментам, проводившимся в Остзейском крае. По её мнению, основные контуры отмены крепостного права «были намечены ещё до воцарения Александра II и были результатом теоретических наработок и практических шагов двух предыдущих царствований»²⁶.

Л.В. Мельникова дала детальную картину благотворительной деятельности православных монастырей, установив, что «особенную активность проявили женские обители, многим насельницам которых в рассматриваемый период был свойственен феминизм, выражавшийся в стремлении принимать живое участие в обще-

ственной жизни, приносить как можно больше пользы своей стране»²⁷.

Откликом на интерес Корелина к политической истории начала XX в. стали статьи А.А. Бессолицына и А.С. Минакова. Бессолицын проанализировал записку «Об изменении штатов Департамента торговли и мануфактур», которая была разработана по указанию министра финансов в 1892—1893 гг. и «легла в основу его торгово-промышленной политики, вошедшей в историю как “Программа Витте”»²⁸. Минаков, характеризуя попытки В.К. Плеве наладить дискуссии с дворянской общественностью, возлагает ответственность за их неуспех на обе стороны: «социально-политическая и экономическая неоднородность дворянства лишала это сословие возможности быть опорой самодержавию и делала невозможным генерирование в его среде какой-либо антикризисной программы», а «консервативный по своему бюрократическому воспитанию министр», «конечно, не допускал мысли о возможности создания общественными силами альтернативного центра власти»²⁹.

В исследовании И.Н. Слепнёва показаны продолжающиеся с конца XIX в. до наших дней дискуссии о кризисных явлениях в сельском хозяйстве, взаимосвязи внутреннего и внешнего рынков, «голодном экспорте» и уровне благосостояния крестьянства³⁰. И.М. Пушкарёва, поставив вопрос о судьбе помещичьих хозяйств в 1917 г., сформулировала задачу «пересмотра источников под иным, неклассовым, углом зрения», чтобы «представить обновлённую концепцию взаимосвязанных процессов, ставших причиной гибели экономики помещичьих хозяйств и их владельцев»³¹.

А.Е. Иванов указал на проблему связи социального статуса и неблагонадёжности студенчества, поскольку, по словам автора, «сословная филь-

трация будущих студентов представлялась власти едва ли не наиболее эффективным инструментом нейтрализации политической «неблагонадёжности» учащейся молодёжи»³². Между тем анализ численного и социального распределения студентов по факультетам свидетельствует о том, что «демократическая по социальному происхождению интеллигентная молодёжь всё активнее завоёвывала жизненное пространство на тех этажах высшего образования, которые изначально предназначались для выходцев из дворянско-чиновничьего сословия. В свою очередь, дети последнего всё напористее проникали в ту сферу высшего образования, которая предназначалась самодержавным государством отпрыскам промышленников и торговцев»³³. Статистические данные приводятся и в статье Н.Н. Ауовой о кадетских корпусах XVIII — первой половины XIX в. На протяжении полутора столетий они «выполняли функции и гражданских учебных заведений, занимаясь подготовкой гражданских чиновников, по сути, совмещая начальное, среднее и высшее (университетское) образование», но в дальнейшем их эволюция оказалась связана «с ориентацией на военную службу, пополняя русскую армию достаточно квалифицированными и образованными офицерами»³⁴.

А.Г. Голиков исследовал редакционную политику «Морского сборника» и отражение на его страницах курса Морского министерства. Автор соотносит изменение тиража и стоимости подписки с числом офицеров, составлявших основную читательскую аудиторию данного издания, и обозначает важные рубежи в истории журнала, которые, как правило, совпадали с войнами и сменой министров³⁵. Близкую тему затрагивает статья И.С. Рыбачёнок. Ею отмечен тот стратегический поворот в полити-

ке и морских, и сухопутных держав, который произошёл на рубеже XIX—XX вв. под влиянием идей двух адмиралов — американца А. Мэхена и британца Ф. Коломба. В прессе всех стран, в том числе и России, развернулась в то время пропаганда идей маринизма. Не только «Морской сборник», но и ведущие столичные газеты убеждали читателей в необходимости иметь сильный флот, а редкие голоса, напоминавшие, что Россия является континентальной империей, тонули в хоре многочисленных оппонентов. При этом, по мнению Рыбачёнок, русская печать, поддерживая наращивание могущества России на морях, недооценила ту угрозу, которую представляла военная и особенно морская мощь Японии»³⁶.

Статья Д.Б. Павлова содержит разнообразный материал, позволяющий судить о финансовых отношениях России с союзниками в 1914—1917 гг., о значении поставок вооружения и способах их оплаты (особенно любопытны факты о контактах с Японией). Подводя итог, автор заключает, что «участие России в Первой мировой войне обеспечили преимущественно внутренние государственные заимствования» и нет оснований «утверждать её тотальную финансово-экономическую зависимость от союзников по Антанте»³⁷.

А.Ю. Морозова рассмотрела разногласия «вперёдовцев» с ленинцами. Вслед за А.А. Богдановым исследовательница различает «группу “Вперёд” как таковую и “вперёдовство” как идейное течение» и считает, что «не стань Ленин полновластным лидером большевизма, политическое и идейное развитие этого течения в российской социал-демократии могло пойти иным, менее авторитарным путём»³⁸.

В сборник вошли также биографические статьи А.И. Аксёнова о гр. С.П. Румянцеве, К.А. Соловьёва

о П.Б. Струве, Н.М. Рогожина о Д.И. Ило-вайском, В.Я. Гросула о В.И. Семевском, М.Г. Вандалковской о П.Н. Милюкове, Ю.Н. Емельянова о В.А. Мякотине, В.В. Зверева о Н.Ф. Даниельсоне, а также работы о Древней Руси В.А. Кучкина, однокурсника Авенира Павловича, и давнего его сотрудника по Институту А.Н. Сахарова.

Третья часть, названная «Из архива А.П. Корелина», объединяет фрагменты незавершённой книги учёного о российском дворянстве 1905—1917 гг. При всём многообразии интересов Авенира Павловича история пореформенного дворянства оставалась лейтмотивом его творчества. Ей он посвятил свою первую монографию, к ней же вернулся, заканчивая свой жизненный путь, а перед этим, находясь в расцвете сил, подготовил к печати ценные документы съездов Объединённого дворянства. В сборнике опубликованы три из семи задуманных Корелиным глав и три добросовестно составленных им годовых отчёта, позволяющих понять авторский замысел и предварительные выводы исследователя (к сожалению, разделы о численности и составе сословия, о дворянском предпринимательстве, а также введение и заключение он написать не успел).

Из неоконченных рукописей наибольшей полнотой отличается глава «Дворянство в системе государственного управления». Она разделена на шесть частей, в которых рассказывается об отношении политически активной части дворянства к «формированию системы высших представительных органов», т.е. к конституции, участию в работе Думы и Государственного совета, о роли дворян в бюрократической элите, местном самоуправлении, офицерском корпусе. Не хватает лишь краткого подведения итогов, отложенного, вероятно, до финальной правки и шлифовки текста.

Глава «Корпоративная организация российского дворянства: структура, компетенция, основные направления деятельности» достаточно обстоятельна, но явно требовала ещё доработки. В ней речь идёт о дворянских обществах рубежа XIX—XX вв., совещаниях предводителей дворянства накануне и в ходе революции 1905—1907 гг., появлении Объединённого дворянства, историю которого Корелин успел довести до Третьего съезда губернских уполномоченных в марте—апреле 1907 г. Самая короткая главка — «Поместное дворянство: землевладение и хозяйство», где говорится лишь о мобилизации и стратификации поземельной собственности.

Как ни странно, эти материалы не сопровождаются какими-либо пояснениями публикаторов о состоянии архива учёного и об археографических особенностях воспроизведения его рукописей. Между тем в главах о землевладении и государственной службе автор использовал затекстовые ссылки, их номера указаны в тексте, но сами они отсутствуют. А в главе о корпоративной организации ссылки уже постраничные и приведены полностью. Эти различия в оформлении, по возможности, следовало бы оговорить.

Нельзя не отметить высокое качество публикации, подготовленной Институтом российской истории. В книге помещены фотографии разных лет, запечатлевшие Авенира Павловича в кругу семьи, друзей, коллег, а также снимки его прадеда, деда и родителей. Сноски сделаны постраничные, что для весьма объёмного и тяжёлого тома представляет несомненное удобство. Сборник «Многогранный талант историка» стал достойной данью памяти замечательного учёного и человека.

Примечания

¹ *Петров Ю.А.* К читателю // Многогранный талант историка: Памяти доктора исторических наук профессора Авенира Павловича Корелина. М., 2019. С. 5—9.

² *Черникова Н.В.* А.П. Корелин: вехи жизненного и творческого пути // Многогранный талант историка... С. 10—16.

³ *Королёва Н.Г.* История российской кооперации в трудах А.П. Корелина // Многогранный талант историка... С. 53—58.

⁴ *Корелина М.А.* Воспоминания об отце // Многогранный талант историка... С. 21.

⁵ *Черникова Н.В.* А.П. Корелин... С. 11.

⁶ *Шелохаев В.В.* Судьбу не выбирают // Многогранный талант историка... С. 28.

⁷ Отчёты о ней А.П. Корелин и Ю.И. Кирьянов опубликовали в заметных московских и киевских изданиях: *Кирьянов Ю.И., Корелин А.П.* Ленинский анализ социально-экономической структуры предреволюционной России // Вестник АН СССР. 1969. № 9. С. 20—23; *Корелин А.П., Кирьянов Ю.И.* Обговорення питань багатокладності соціально-економічної структури Росії // Український історичний журнал. 1969. № 11. С. 149—153.

⁸ *Шелохаев В.В.* Судьбу не выбирают. С. 29.

⁹ *Кондрашин В.В.* А.П. Корелин — исследователь столыпинской аграрной реформы // Многогранный талант историка... С. 40—52.

¹⁰ Там же. С. 40.

¹¹ *Ульянова Г.Н.* Частная жизнь купеческой семьи в XIX веке по автобиографическим источникам: рождение, воспитание, вступление в брак, семейные отношения // Многогранный талант историка... С. 276—277.

¹² *Плех О.А.* Провинциальное дворянство первой половины XIX в. (на материалах Вологодской губернии) // Многогранный талант историка... С. 153—180.

¹³ Там же. С. 180.

¹⁴ *Грузинов А.С.* Рост капиталов графа С.Д. Шереметева на рубеже XIX—XX вв.: результат хозяйственной деятельности владельца или «паразитической» переоценки стоимости принадлежащих ему земель? // Многогранный талант историка... С. 247—264.

¹⁵ *Писарькова Л.Ф.* Правительственные меры по формированию состава гражданских служащих в последней четверти XVIII в. — первой четверти XIX в. // Многогранный талант историка... С. 129.

¹⁶ Там же. С. 142.

¹⁷ *Черникова Н.В.* Просопографические мифы о высшем чиновничестве (на примере Государственного совета конца XIX в.) // Многогранный талант историка... С. 197—214.

¹⁸ Там же. С. 202.

¹⁹ Там же. С. 205.

²⁰ Там же. С. 213.

²¹ Там же. С. 214.

²² *Хайлова Н.Б.* Артели и кооперация: взгляд либералов-центристов // Многогранный талант историка... С. 449—450.

²³ *Ульянова Г.Н.* Частная жизнь... С. 311—312.

²⁴ *Шаццлло М.К.* Российские купеческие сословные организации в XIX веке // Многогранный талант историка... С. 275.

²⁵ *Керов В.В.* «Великое Дело» старообрядцев: были ли технические инновации «недопустимыми заимствованиями»? // Многогранный талант историка... С. 414.

²⁶ *Ружижская И.В.* Долгий путь к крестьянской реформе: от Екатерины II до Александра II // Многогранный талант историка... С. 152.

²⁷ *Мельникова Л.В.* Русские монастыри и монашество во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. // Многогранный талант историка... С. 196.

²⁸ *Бессолов А.А.* Программа С.Ю. Витте: курс на модернизацию экономики России // Многогранный талант историка... С. 239.

²⁹ *Минаков А.С.* В.К. Плеве и дворянская общественность на рубеже XIX—XX вв.: дискуссии о реформах // Многогранный талант историка... С. 236.

³⁰ *Слепнёв И.Н.* Россия на мировом рынке в конце XIX века: зерновой экспорт, внутреннее производство, аграрный кризис (историографическая ситуация и методические подходы) // Многогранный талант историка... С. 313—324.

³¹ *Пушкарёва И.М.* Помещичьи хозяйства и их владельцы в России на закате своей истории: 1914—1917 гг. (по материалам отечественной литературы) // Многогранный талант историка... С. 349.

³² *Иванов А.Е.* Студенчество императорских университетов: правоспособность, сословность, профессиональные стремления. Конец XIX — начало XX века // Многогранный талант историка... С. 350.

³³ Там же. С. 358.

³⁴ *Аурова Н.Н.* Кадетские корпуса как источник подготовки профессиональных военных кадров (XVIII — первая половина XIX в.) // Многогранный талант историка... С. 117.

³⁵ *Голиков А.Г.* «Морской сборник» — журнал отечественного военно-морского флота // Многогранный талант историка... С. 359—370.

³⁶ *Рыбачёнок И.С.* Отечественная пресса о морской политике России на рубеже XIX—XX веков // Многогранный талант историка... С. 371—387.

³⁷ *Павлов Д.Б.* Россия в 1914—1917 гг.: финансовые взаимоотношения с союзниками // Многогранный талант историка... С. 400.

³⁸ *Морозова А.Ю.* Платформа группы «Вперёд» — манифест левого большевизма // Многогранный талант историка... С. 462.